
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

И. А. ГУСЕВА

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И МОНГОЛИИ В РАБОТАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В дореволюционной русской литературе освещена только одна форма русско-монгольских культурных связей — изучение Монголии учеными России, в основном в кратких обзорах экспедиций Русского географического общества (РГО) или одного из исследователей, а также в работах, обобщающих научные результаты какой-либо экспедиции. Все эти работы ограничивались серединой 90-х гг. XIX в. и вовсе не касались начала XX в. Другие стороны культурных связей в литературе не освещались.

Почти все авторы ставили вопрос о русском влиянии на монголов. Известный исследователь Монголии демократ Г.Н. Потанин отвергал идеи авантюристов о присоединении Монголии к России и желании самих монголов слиться с Россией, где якобы «все народы благоденствуют». Он не идеализировал современную ему Россию, видел в ней «такие стремления, которые не могут показаться монголам приятными». Его интересовали не усилия правительства России в насаждении русского влияния в Монголию, а мирное культурное влияние самого русского общества на материальную и духовную жизнь монголов. В 1892 г. Потанин с сожалением отмечал, что влияние это было настолько незначительным, что он не решился дать своей статье заглавие: «Русское влияние в Монголии», чтобы «не удивить читателя открытием о русском влиянии, которого еще нет, но которое мы желали бы создать». В вещественной культуре знакомство с русскими ограничивалось введением железных печей и сенокосения. Дурным же последствием русской торговли явилось измельчание скота в Монголии, так как русские угоняли лучший, крупный скот, а для улучшения пород никаких мер не принимали. «На духовной культуре русское влияние уследить труднее, чем на культуре вещественной. Оно становится заметно тогда, когда бывает сильно очевидно, что большого влияния здесь мы не имеем, потому что никаких перемен в духовной культуре монголов не видно» (*Потанин Г.Н. русские в Монголии // Русское богатство. 1892. № 9. С. 239–240*). Говорить о русском влиянии в Монголии можно было бы тогда, писал Потанин, «если бы монголы действительно начали интересоваться русской жизнью, изучали бы русскую литературу, переводили русские книги, посылали юношество учиться в русские школы и сами путешествовали бы по России для ознакомления с русскими порядками,

если бы торговля приучила бы монголов к каким-нибудь новым полезным потребностям, улучшающим их хозяйство, здоровье и нравы. Но ничего этого нет» (Там же, с. 242). С сожалением, отмечая слабость русского влияния, Потанин призывал русских к просветительской деятельности в Монголии: «...мы могли бы сделаться просвещенными друзьями монголов, оставив в стороне мечтания о присоединении Монголии к России и не прерывая дружественных отношений к китайцам» (Там же, с. 247).

Слабость русского влияния в Монголии и желательность его усиления отмечали также Я.П. Дуброва, Н.М. Ядринцев, Г.М. Осокин, А.П. Свечников, В.Ф. Люба и др. Г.М. Осокин в своей работе «На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья» (1909 г.) утверждал, что «русское население, несмотря на сотни лет совместной жизни с монголами, почти ни в чем не отразило своего культурного влияния, ограничиваясь лишь успокоительным сознанием «дружественности нации» и пользуясь страной и населением как предметом наживы и выгоды (Осокин Г.М. На границе Монголии: очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб., 1906. С. 278). Троицкосавский ветеринарный врач А.П. Свечников, служивший в Монголии в 1905–1907 гг., тоже считал, что «все же мы, русские, пока не можем похвастаться культурным влиянием на соседнюю с нами Монголию», что «если оно и заметно, то очень мало и лишь среди пограничных монголов. На реке Селенга, около Кяхты, в юртах зажиточных монголов мне приходилось видеть русский сахар, русские свечи, иногда увидишь на монголе русские валенки, иногда услышишь от монгола крепкое русское словцо. Вот и все, что бросается в глаза при первом знакомстве с жизнью монголов» (Свечников А.П. Русские в Монголии. Пг., 1912. С. 75). Еще более категорично мнение управляющего консульством в Урге В.Ф. Люба: «... в итоге нашей многолетней деятельности в Монголии получается полная картина нашей бесполезности, неумения и инертности... Говорить при таких условиях о каком-либо нашем культурном влиянии на Монголию ни в настоящем, ни в прошлом не приходится» (Осокин Г.М. Указ. соч. С. 278). Более оптимистично, хотя кратко и сдержанно, оценивал русское влияние в Монголии Д.А. Клеменц: «Многим полезным вещам научили монголов соседи»; «нельзя сказать, чтобы пребывание здесь русских купцов было бесплодно и для науки». При этом он ссылался на «Труды русских торговых людей в Монголии и Китае», изданные Г.Н. Потаниным, и дневники А.Д. Васенева (Клеменц Д. Об укреплении русского влияния в Монголии // Сиб. вopr. 1090. № 51–52. С. 21; Клеменц Д. Письма с дороги // Вост. обозрение. 1892. С. 9).

Поэтому, А.П. Свечников большое значение придавал распространению культурного влияния русских в Монголии. По его мнению, деловыми отношениями не должны исчерпываться связи русских с монголами, тем более, что Монголия сама «жаждет культуры и цивилизации». Автор считал, что русские медики, зоотехники и агрономы смогли бы принес-

ти огромную пользу. Монголы «примут их там с распростертыми объятиями, ибо какой бы отсталой страной не была Монголия, она сумела сохранить высокую личную нравственность, она знает, что есть добро и зло и сумеет взять от европейской культуры все доброе и хорошее» (Свечников А.П. Указ. соч. С. 149).

Русско-монгольские культурные связи освещены, прежде всего, в работах по истории изучения Монголии учеными России. Это монографии, сборники статей, научно-популярные брошюры и т.п. о выдающихся исследователях Центральной Азии Н.М. Прежевальском, М.В. Певцове, Г.Н. Потанине и А.В. Потаниной, П.К. Козлове, Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.А. Обручеве, Д.А. Клеменце, Н. М. Ядринцеве и др.

Культурные связи проявлялись и в других сферах: в деятельности русских ветеринаров, медиков, русских школ и учителей, типографий, клубов, кинематографа, в распространении русских газет и журналов, в обучении первой группы монголов в Сибири. Все эти вопросы в литературе освещены весьма кратко или вовсе не освещены. Есть лишь небольшие статьи: А.С. Мещерского и А.Л. Рубинчика — о русской ветеринарии в дореволюционной Монголии, С.В. Лапина — с отрывочными архивными сведениями о деятельности нескольких русских врачей в Монголии.

После провозглашения независимости Внешней Монголии Россия стремилась усилить свое экономическое, политическое и культурное влияние в этой стране. Одним из средств этого влияния должны были явиться и некоторые мероприятия по оказанию медицинской помощи местному населению. Были учреждены должности врачей и фельдшеров при консульствах в Улясутае и в Кобдо, в Монгольской бригаде (созданной в 1912–1913 гг. под руководством русских инструкторов) и в русском военном отряде в Кобдо. Вопрос об оказании медицинской помощи монголам обсуждало совещание по вопросам о развитии русских торговых сношений с Монголией, состоявшееся в Иркутске в конце 1912–начале 1913 гг.

«Монголы видят в каждом нашем соотечественнике ученого и обязательно «доктора», при проезде русского по их стране одолевают его на каждой остановке с просьбой помочь в болезнях», — отмечал Б.И. Имшенецкий (*Имшенецкий Б. Русские «пионеры» в Монголии (о-во «Монголор») // Деловая Россия. 1915. 26 апр.*).

В литературе господствует мнение, что одним из проявлений общей малокультурности русских жителей Монголии, прежде всего торговцев, является их отношение к печатному слову: они не получали и не читали газеты, журналы, книги. М.И. Боголепов и М.Н. Соболев в 1910 г. писали, что раньше в Улясутае «была кое-какая библиотека», а теперь остатки ее отданы в консульство, «где они покоятся без пользы. Газет никто не выписывает» (*Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911. С. 75–76*). Из частных библи-

отек они называли только одну — у М.Ф. Минина, студента восточного факультета Петербургского университета, в которой было много книг о Монголии и ее языке.

Но так ли это было всегда и везде? Наблюдения путешественников — локальны и кратковременны, время посещения Улясутая М.И. Боголеповым и М.Н. Соболевым было чрезвычайно неблагоприятным для получения газет: в 1910 г. в Улясутае еще не было регулярного почтового сообщения.

В доме Мининых, где была большая библиотека, жил монгольский мальчик-сирота, он выучился не только «бегло, совершенно свободно говорить, но и читать по-русски», об этом писали М.И. Боголепов и М.Н. Соболев (*Боголепов М.И., Соболев М.Н. Указ. соч. С. 76*).

В период национально-освободительного движения в 1911–1912 гг. и автономии Внешней Монголии, когда в стране ощущалось национальное, политическое и культурное оживление, усилились личные контакты с русскими, монголы проявляли большой интерес и к русским газетам. А.Д. Корнакова, проведшая несколько лет в начале XX в. в Монголии, писала в 1912 г., что ежедневно у них бывало не менее 10–15 человек монголов. «В особенности в последнее время часто забегают к нам монголы справиться о том, что пишут в русских газетах, так как все они страшно заинтересованы событиями в Китае» (*Корнакова А.Д. По поводу провозглашения монголами независимости. Труды Троицкосавского отделения ИРГО. 1912. Т. 12. Вып. 2. С. 17–18*).

Русские, проживавшие в Монголии и Маньчжурии, издавали газеты специально для монголов. Первая из них — «Монгол-ун сонин бичиг» («Монгольские новости») начала издаваться в Харбине с осени 1909 г. (она выходила до 1918 г.). Толчком к ее появлению послужило издание японцами газеты и учебников на монгольском языке в ставке харацинского князя, во Внутренней Монголии. Извещая о выходе «Монгол-ун сонин бичиг», харбинский «Вестник Азии» писал, что газета, ставит своей целью «поднятие культурного уровня монголов и распространение среди них правильных сведений о России и ее, мирных культурно-экономических интересах на Дальнем Востоке». Ближайшей задачей ее было «содействие укреплению развитию торгово-экономических связей Монголии с Сибирью, Забайкальем и прилегающей к Монголии полосой КВЖД» (*Вестник Азии. 1909. № 1. С. 284*).

После провозглашения независимости Монголии в Урге при российском консульстве была создана русско-монгольская типография с монгольским шрифтом. Это позволило издавать газеты и журнал для монголов на монгольском языке в самой Урге. «Вестник Азии» в 1915 г. отмечал, что с 6 марта 1913 г. по 1 сентября 1915 г. здесь издавался ежемесячный журнал (с № 1 по № 5), а затем еженедельная газета «Шинэ-толь» («Новое зеркало»). Редактором ее был Ц. Жамцарано, ученый-монголовед

России, находившийся тогда на службе у монгольского правительства и возглавивший по существу практическую деятельность его по вопросам просвещения и культуры. Журнал издавался в количестве 480 экземпляров, бесплатно рассылался в монгольские учреждения, учителям, русским научным востоковедным учреждениям и свободно продавался по 10 к. (*Вестник Азии. 1915. № 34. С. 216*). Это издание имело, прежде всего, общеобразовательный характер. «Монгольская газета «Шинэ-толь», — писала о ней «Сибирская жизнь» 16 ноября 1914 г., старается дать самые простые и понятно изложенные сведения, расширяющие кругозор монголов. В газете помещаются статьи по истории культуры, зоологии, экономике, политике и т.п.» (*Сибирская жизнь. 1914. 6 нояб.*).

В 1910–1913 гг., когда в Монголии развернулось национально-освободительное движение, в русской печати и в Думе неоднократно поднимался вопрос о необходимости поддержки и реорганизации ургинской школы, открывшейся в 1864 г. Участник Московской торговой экспедиции в 1910 г. в Монголию Морозов писал: «Ургинская школа есть, единственное в Монголии культурное дело России... Мы глубоко убеждены, что раз Россия вступила в Монголии на путь культурного воздействия, то по этому пути надо идти твердо и неуклонно. Для государства не может быть вопроса в затрате нескольких десятков тысяч рублей там, где престиж его культурности должен стоять на высоте, соответствующей достоинству великого государства» (*Московская торговая экспедиция. М., 1912. С. 119–120*). Почти то же самое писал «Сибирский торгово-промышленный ежегодник» в 1913 г.: «Дело это вполне заслуживает серьезного внимания и стоит того, чтобы на него ежегодно затрачивать лишних пару сотен рублей» (*Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. С. 491*).

Д.П. Першин в своих статьях в газете «Сибирь» стремился привлечь внимание властей и обществственности Иркутска к обучению здесь монголов, «Дело устройства монгольских мальчиков в учебные заведения Иркутска хотя и нелегкое, но вполне возможное, если учебное начальство пойдет навстречу монгольскому правительству и постарается дать образование монгольской молодежи, тем более, что эти экскурсанты ведь первые ласточки из Монголии и это лишь первый опыт посылки монгольских детей в русские школы. Дальнейшая посылка монгольских детей в Россию во многом будет зависеть от ... успеха первого опыта, который только-только начат» (*Сибирь. 1913. 21 мая*). Поэтому Першин призывал для этих «первых ласточек из Монголии... свить гнездышко и потеплее и понадежнее» (*Сибирь. 1913. 7 июня*). Статьи Першина и факты, им сообщаемые, свидетельствуют о том, что местные власти и правительство России придавали первому опыту обучения монгольских детей в русских школах большое политическое значение, как важному средству укрепления русского политического и культурного влияния в Монголии.